

Состояние лесного сектора в России – отражение трудностей трансформирования экономики

ЛАРС КАРЛССОН, МАТС-ОЛОФ ОЛССОН,

НИЛЬС-ГУСТАВ ЛУНДГРЕН

Международный институт прикладного системного анализа

- **Существенный вопрос рыночной экономики (в том числе в лесном комплексе) – четко очерченные права собственности**
- **Региональные власти должны добиваться институциональной стабильности и прозрачности экономических правил и норм**
- **Большинству российских лесных фирм предстоит преодолеть значительное расстояние, прежде чем они выйдут на конкурентный рынок лесоматериалов**
- **Необходимо больше внимания уделять экономическим вопросам и меньше техническим**

У России нет громадных лесных ресурсов, есть огромное количество лесов, что совсем не одно и то же. Почему Россия, несмотря на свое богатство (имеется в виду лес), не занимается утилизацией, способствуя экономическому росту и улучшению социального благосостояния? Почему не оправдалась надежда, что лесной сектор экономики станет главной движущей силой при переходе России к рыночной экономике? Данная статья – попытка ответить на эти вопросы.

Нет однозначного соответствия между размером природных ресурсов и их экономической стоимостью. Подтверждение тому дает большое число развивающихся стран, обладающих зачастую значительными “ресурсами”, но по разным политическим, организационным и технологическим причинам не вкладываемым в благосостояние народа.

Действительно, Россия имеет огромные леса. Общая их площадь примерно в 3-4 раза больше, чем в Канаде. В России находится 23% мировых лесных площадей и 55% запасов хвойных пород деревьев. Однако после почти 10 лет переходного периода цифры обескураживают. По данным Всемирного банка вывоз древесины из России составлял: 1985 г. – 337 млн м³; 1990 г. – 304; 1995 г. – 116; 1997 г. – 94; 1998 г. – 82 млн м³.

“Невидимая рука” рыночной экономики, очевидно, еще совсем не касалась российского лесного сектора. Возьмем, к примеру, Архангельскую область, один из крупнейших лесных регионов. Здесь заготовка леса достигала максимума в 1987-1988 гг. – около 25 млн м³. Потом она резко упала и в 1996 г. ее уровень составил примерно 29% по сравнению с уровнем 1988 г. С 1990 по 1996 гг. производство товарного леса снизилось с 19,4 млн до 7,2 млн м³, а в 1994 г. оно было меньше, чем в 1940 г. Практически такая же ситуация и в целом по России. Возникает вопрос – что произошло и что можно сделать для улучшения ситуации?

Некоторые черты капитализма

Предполагается, что переход к капитализму и рыночным отношениям обеспечит экономический рост и повысит благосостояние. Но почему этого нет?

Вопрос о возможном существовании рыночной экономики в российском лесном секторе является скорее вопросом меры. Однако не легко судить о том, движется ли данный сектор к такой экономике. Движется к чему? Вот вопрос, на который надо дать ответ с помощью довольно общего оценочного критерия. Чтобы квалифицировать рыночную

экономику как “приемлемую”, а не как “грабительский капитализм” должны быть соблюдены следующие условия:

- признаются конституционные нормы и они прозрачны;
- структура прав собственности отрегулирована и определена;
- нормативные и регулирующие акты официальной власти считаются легитимными и применяются единообразно;
- рынок устанавливает цены, отражая их реальную стоимость;
- принятие решений, касающихся действий коллектива, норм и правил выполнения работ, децентрализовано;
- частные инвесторы могут с прибылью возместить свои вложения;
- действуют нормы, если они предотвращают истощение природных ресурсов;
- официальные власти принимают меры против нарушения принятых норм.

После исследования лесного сектора в 8 российских регионах (от Хабаровска до Мурманска), мы пришли к выводу, что большая часть упомянутых условий соблюдается плохо по следующим причинам.

- Почти все предприятия лесного сектора были приватизированы, кроме тех, которые принадлежали *Рослесхозу* (Российской федеральной лесной службе) и некоторым другим государственным органам. Однако многие приватизировались только номинально, собственность же оставалась часто неясной. Кроме того, из-за отсутствия эффективных процедур банкротства и арбитража неустойчивые фирмы во избежание полного коллапса “погашают” часть недоимок налогов и других сборов акциями компании. Нет сомнения, что это ведет к нездоровому объединению властей с представителями частного бизнеса. Между тем разделение власти и бизнеса является важнейшей чертой приватизации и рыночной экономики.
- За последние несколько лет заметно возросли нерыночные сделки, в частности бартерные. Их число тревожно высокое. Мы опросили большое число фирм, которые продают за живые деньги лишь малую долю (10 %) своей продукции. Характерно, что региональные и местные власти потворствуют этой практике.
- Принимаются правила, предотвращающие безоглядную вырубку лесов, но не хватает средств следить за их соблюдением, как и принимать меры для защиты от огня, регенерации, культивации лесов.
- Во многих местах формирование цен на лесоматериалы просто смешное. Нет настоящей конкуренции, а мысль о лизинге или аукционах даже не возникает. Поэтому можно с уверенностью предположить искусственное занижение цен, что на мировом рынке делает российские лесоматериалы весьма конкурентоспособными. Но, увы, этого нет.
- Четко прописанные права собственности являются предпосылкой эффективного функционирования рыночной экономики. В России же ситуация двусмысленная. Кто действительный собственник лесов, Российская Федерация, ее субъекты или все вместе? Кому, к примеру, полагается убирать территорию от загрязнений – регионам или государству? Многие эксперты обращали также внимание на тот факт, что лесной кодекс и другие подзаконные акты противоречат Конституции, допускающей все виды собственности. Пока же лесной кодекс запрещает частную собственность на лес.
- Если бы частные инвесторы были уверены, что смогут с прибылью окупить свои вложения, уровень инвестиций был бы значительным, особенно среди иностранных инвесторов.

Права собственности и частная собственность не одно и то же

Самый существенный вопрос рыночной экономики – не кто является легальным

собственником товаров и ресурсов, а четко очерченные права собственности. Права собственности выражают не собственность, а скорее отношение экономических агентов друг к другу и ресурсам. Экономическая роль прав собственности зависит от того, в какой степени эти права признаются и проводятся в жизнь в обществе, которое в свою очередь определяется существующими институциональными рамками. Институты включают формальные и неформальные правила, используемые *de facto* определенным кругом действующих лиц, и институциональная структура российского лесного сектора явно находится под большим влиянием писаных и неписаных правил.

Бартер, выколачивание привилегий, взятки и т.п. пожирают массу ресурсов, которые могли бы иметь альтернативное использование. Важнее, однако, то, что неопределенная институциональная структура сужает горизонт, отбрасывает “короткую тень будущего”. Но бизнес требует иного. К примеру, если менеджер фирмы уверен в продолжении связей с неким партнером (скажем, их торговые отношения строятся на хорошо определенных и согласованных правилах), он будет вести себя соответственно этим правилам, зная, что его поведение сегодня отразится на будущих взаимосвязях, “тень будущего” станет длиннее. Но если он не уверен в партнере, если правила вдруг изменятся и если ожидается экономическая неустойчивость фирмы, то лучше действовать, как если бы сегодня был последний день бизнеса.

Предпринимательское поведение и долгосрочные финансовые обязательства, распространенные в российском лесном секторе, требуют, чтобы предприятия занимались главным образом бизнес-рисками, рисками, проистекающими из ошибочных решений, неверных расчетов и оценок. Но пока существует путаная и противоречивая система регулирования, государственные решения принимаются по случаю, непоследовательно реализуются правовые нормы, имеют место другие проявления политической непредсказуемости – проблемы в лесном секторе сохраняются. Поэтому региональные власти должны всеми способами добиваться институциональной стабильности и прозрачности экономических правил и норм. Иногда лучше иметь неподходящие, но устойчивые и осуществимые нормы, чем хорошо приспособленные, но часто изменяемые.

Зыбкий эффект

Некоторые результаты проводившегося в течение последних трех лет исследования примерно 250 лесных предприятий в России и Швеции показаны в таблице.

Заметны следующие странности российских фирм:

- в стране с громадным количеством лесов почти половина фирм ощущают дефицит леса;
- большинство фирм не инвестирует реальный капитал, не имеет экспорта и связей с банками;
- хотя цифры могут быть и занижены, они показывают, что по крайней мере половина фирм участвует в бартере;
- процедуры платежей построены на недоверии;
- нарушения соглашений являются правилом, вместо того чтобы быть исключением.

Российские фирмы имеют широкие социальные обязательства – обеспечение жилищных условий, предоставление транспорта до места работы и обратно, забота о здоровье персонала, в том числе детей, заготовка дров. Шведские предприятия также выполняют социальные функции, но их ответственность иная. Характерно, что шведские фирмы занимаются различного рода спонсорством, например, содержат местные клубы или поддерживают отдельных спортсменов, покупают учебники для местных школ. Некоторые шведские фирмы предоставляют жилье части своих сотрудников, но никогда всем работникам, как российские фирмы.

Представителей лесных фирм спрашивали, что они считают самой серьезной трудностью в управлении их предприятиями. Поиск рынка *не был* упомянут как главная. Они отмечали налоговую систему как самое большое препятствие, имея в виду множество налогов и тарифов, непрозрачность системы и “драконовскую” практику санкций. С 1991

по 1996 гг. налоговый кодекс изменялся 256 раз! Так что не удивительно, что налоговая система считается непредсказуемой. Эксперты характеризуют налоговые штрафы как драконовские – 100% за первое нарушение, 200% – за второе и т.д.

В ответ на просьбу назвать меры, которые могли бы улучшить ситуацию, и российские и шведские менеджеры предлагали снизить налоги и внести изменения в законодательство. Следовало бы заметить, что шведскими руководителями предприятий существующее лесное законодательство воспринимается более серьезно. Они считают, например, проблемой строгие положения в области охраны окружающей среды, ограничивающие прибыльность фирмы.

В ходе опроса выяснилось, что примерно 20% российских фирм требуется генеральное обновление технологии и столько же хотят, чтобы координировало работу лесного сектора государство. Ничего похожего не наблюдается в Швеции. Ряд российских фирм открыто заявляет о желании стать снова государственными. Это может быть интерпретировано как свидетельство того, что дезинтеграция советской управленческой системы не была заменена альтернативным и хорошо функционирующим способом организации лесного сектора на принципах рыночной экономики. А если ситуация близка к хаосу и рыночные механизмы не работают, понятны призывы к официальной координации.

Виртуальная экономика

Лесной сектор в большой мере характеризует российскую экономику в целом как *виртуальную*. Она базируется на иллюзии почти по каждому важному параметру: ценам, продажам, заработной плате, налогам и бюджету. Ее сердцевина – претензия на экономику с большими, чем имеющиеся, возможностями. Этой претензией оправдываются более крупное производство и затраты, чем Россия может себе позволить. Здесь истинная причина паутины задолженности по зарплате, платежам и налогам.

Такая экономика функционирует изолированно от рыночной конкуренции, широко применяя бартер, который искажает рыночные ценовые сигналы и позволяет использовать фиктивные цены на товары и услуги, отделенные от рыночной стоимости. Подобная практика претендует на создание стоимости, в то время как промышленность фактически ее разрушает. Если этот вывод правилен, то сегодня в России масса потенциальных безработных рабочих, инженеров, чиновников.

Почему российские лесные фирмы не инвестируют капитал, что способствовало бы сокращению их отрыва от конкурентного рынка? Дело в деньгах? Отсутствие сбыта? Плохой менеджмент?

- Если есть хорошие ресурсы и потенциальные рынки, деньги можно создавать, использовать для инвестиций в новые ресурсы, опять заработать их.
- Теория виртуальной экономики предполагает, что менеджеры российских предприятий действуют рационально, и у них сильны стимулы продолжать работать по-прежнему, даже если фирма нерентабельна.

Отсутствие эффективной системы банкротства и арбитражных разбирательств не содействует “созидательному разрушению” фирм в смысле, который Шумпетер вкладывал в движущую силу рыночной экономики. Фирмы могут продолжать производить, хотя их продукция не продается за деньги. Такое производство имеет тенденцию генерировать (порождать) “мягкие товары”, которыми торгуют на виртуальных квазирынках, а не на реальных коммерческих рынках.

**Характеристика лесных фирм
России и Швеции (%)**

	Россия N=221	Швеция N=24
<u>Производственная активность</u>		
Организация работ	8	8
Рубка леса	24	24
Лесопилка/рубка	25	33
Лесопилка	31	33
Древесная масса/бумага	4	4
Продажа/консультации	8	17
<u>Принадлежность фирм/ собственность</u>		
Государственная	34	29
Приватизированная	42	0
Новая частная собственность	34	71
<u>Инвестиции в компанию</u>		
Есть	36	85
Нет	64	15
<u>Социальная ответственность</u>		
Есть	54	83
Нет	46	17
<u>Экспорт продукции</u>		
Более 40% объема	24	21
Менее 40% объема	10	4
Нет экспорта	66	75
<u>Отношения с банками</u>		
Есть	17	82
Нет	83	18
<u>Запасы леса</u>		
Достаточные	56	78
Нехватка	44	22
<u>Способы платежа</u>		
Наличные деньги	56	100
Бартер и наличные деньги	44	0
<u>Платежи при продаже</u>		
При поставке	37	0
До поставки	48	4
После поставки	4	96
Смешанные	11	0
<u>Нарушения договоров покупки</u>		
Крупные	44	0
Незначительные	30	4
Нет	26	96
<u>Нарушения договоров продажи</u>		
Крупные	59	0
Незначительные	23	12
Нет	36	88

Большинству российских лесных фирм предстоит преодолеть значительное расстояние, прежде чем они выйдут на конкурентный рынок лесоматериалов. Почему менеджеры избегают реструктуризации? Их первый выбор должен быть связан с инвестированием более эффективного производства, но это решение имеет собственные проблемы. Другой выбор, согласно теории виртуальной экономики, – инвестировать “относительный капитал”, оказывая услуги местной власти, договариваясь о привилегиях и т.п. Выберут лесные фирмы инвестиции в “относительный” или реальный капитал, зависит от

первоначального (унаследованного) основного капитала, находящегося в их распоряжении. Менеджеры будут просто предпочитать тот тип инвестиций, который приносит больше прибыли, но очевидно, что бывшая советская интегрированная лесная промышленность оставила богатый запас “относительного капитала”, из которого можно извлекать прибыль.

Пытаясь оценить, как глубоко включены лесные фирмы в эту экономическую игру, мы обнаружили, что лишь 12 из 203 фирм действуют как нормальные рыночные агенты (см. рисунок). Еще примерно 60-70% фирм глубоко укоренились в виртуальной экономике, ведут себя совсем не как коммерсанты. Этот тревожный факт свидетельствует о пережитках советской системы, еще оказывающих сильное влияние на экономическое поведение.

Полагаться на приток денег от крупных государственных монополий – единственно возможный способ функционирования виртуальной экономики. Если ничего не изменится, то новое поколение предпринимателей и лидеров бизнеса будет имитировать доминирующее поведение. В результате дорога в надежную рыночную экономику даст бесконечный крюк.

Что может помочь предприятиям лесного сектора повысить эффективность?

Ничто не оправдывает предприятия, которые “бьют баклуши”. Поэтому следующие рекомендации представляются не лишними.

- Учиться у других; есть ряд хороших позитивных примеров развития лесного сектора. Если, как многие эксперты уверяют, это не результат краткосрочного эффекта девальвации рубля, то каждая отдельная фирма обязана спросить: как удалось добиться успеха?

- Фирмы должны сосредоточить усилия на разработке новой продукции.
- Необходимо больше внимания уделять экономическим вопросам и меньше техническим. Преобладающая часть крупных отраслей переполнена инженерами и другим производственным персоналом. Но узкое место скорее в недостатке деловой компетенции, прежде всего в области управленческого учета и промышленного маркетинга.
- Надо обучать рабочих (например, современным методам учета, методам управления качеством и т.д.). Хорошее поведение должно награждаться, трудовая этика высоко цениться, а лидеры бизнеса действовать как моральный авангард.

- Для более крупных отраслей может оказаться выгодной *вертикальная интеграция*. Компаниям стоило бы, например, создать собственные заготовительные подразделения или транспортные фирмы. В настоящей ситуации неясности прав собственности, существования *ad hoc* (для данного случая) правил и неразумного ценообразования на транспорте, вертикальная интеграция является рациональным выходом. Менеджеры перерабатывающих заводов могли бы тогда улучшить контроль за транзакционными издержками и, как следствие, снизить издержки совокупные (валовые). К этому подталкивает отсутствие жизнеспособного рынка лесных продуктов. Процесс координации и интеграции должен быть результатом собственных решений компании. Но их нельзя осуществить, пока лесной сектор опирается на старую структуру.

Эта статья написана иностранными экспертами, хотя и без полного знания российских реалий. Но мы никоим образом не претендуем, что иностранная экспертиза сдвинет российский “супертанкер”. В самой России менеджерами предприятий, политиками, руководителями лесного сектора и другими заинтересованными лицами должна быть создана институциональная структура, пригодная для развития лесного сектора. Россияне должны взять на себя ответственность и найти собственную дорогу в будущее.

Полагаем, что все ключевые участники процесса должны рассмотреть стоящие проблемы в открытой и откровенной дискуссии и выступить с предложениями по кратко- и долгосрочным мерам, с рекомендациями и конкретными решениями. В этой дискуссии иностранные эксперты могут предоставить результаты своих исследований, знания современных западных методов управления лесным хозяйством и помочь повышению эффективности работы российского лесного сектора.

Публикуется в сокращении. Полный текст см.: July/August 2000, vol. 76, №. 4, The Forestry Chronicle.